

Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994–2006 гг. (по материалам RLMS)¹

В.А. АНИКИН

Сегодня все чаще при анализе перспектив экономического развития России интерес исследователей устремляется в область анализа ограничений, связанных с человеческими ресурсами, в том числе с конкурентоспособностью социально-профессиональной структуры. В статье отражены основные тенденции изменения социально-профессиональной структуры российского общества, выявленные в ходе исследования панельных данных RLMS за 1994–2006 гг., которое проводилось на основе использования адаптированного к российским реалиям классификатора профессий ISCO-88, являющегося официальным кодификатором профессий в RLMS.

Ключевые слова: социально-профессиональная структура, экономическое развитие, человеческий капитал, кодификатор профессий.

Введение

Сегодня, в условиях глобальности и открытости рынков, российскую экономику ждут новые вызовы. Успех на международной экономической арене зависит и от модели социально-профессиональной структуры того или иного общества, и от того, насколько органично и на каких правах она будет встроена в структуру занятости глобальной экономики.

С повышением роли человеческого капитала в экономике многие исследователи заостряют внимание на особой роли компетенции, квалификации в новом мире [Белл 1999; Кастельс, Киселева 2001]. Так, Д. Белл характеризовал настоящее и ближайшее будущее развитие западного, преимущественно американского, общества как постиндустриальное. Власть в подобном обществе основывается на знании и компетенции, ключевыми же детерминантами класса выступают уже не собственность, а профессии, представленные учеными, инженерами и работниками культуры. Эта позиция сегодня особенно убедительна

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту № 06-03-00558 (грант РГНФ).

на фоне падения влияния профсоюзных организаций, которое наблюдается в Соединенных Штатах (см. более подробно [Labour pains 2007]).

Другие же исследователи говорят о том, что традиционный экономический капитал не утрачивает своей значимости, а высококвалифицированные профессионалы – всего лишь слой, который обслуживает капиталистов. Так, в очередном выпуске «World Economic Outlook – 2007» приводятся данные исследования МВФ [World Economic Outlook 2007], вызвавшие весьма оживленную дискуссию. В качестве примера такого рода откликов можно привести статью, опубликованную в журнале «The Economist» 5 апреля 2007 г. [Smaller shares... 2007]. По результатам анализа приводимых в этом отчете данных ее авторы делают вывод о том, что новый социально-экономический порядок, который устанавливается в условиях глобализации, оказывается в действительности выгодным лишь капиталистам, но не представителям физического труда и даже не профессионалам.

В отчете анализируется, каким образом торговля, технологии и миграция буквально «сшили» между собой мировые рынки труда, так что работники богатых стран не чувствуют себя уверенно на отечественных рынках труда. Отмечается, что глобальное предложение труда выросло в 4 раза с 1980-х годов, когда были открыты экономики Китая, Индии, а также некоторых посткоммунистических стран. Разумеется, большинство работников из этих стран имеют образование не выше среднего, однако доля высококвалифицированных специалистов в них все же достаточно велика для того, чтобы можно было говорить о новом типе конкуренции – между высококвалифицированными работниками разных стран – как о новой реальности. Основной тезис доклада заключается в том, что технологические изменения и глобализация рынков труда снижают долю оплаты труда в ВВП во всех промышленно развитых странах.

К похожим выводам приходят и известные социальные теоретики. Так, Дж. Голдторп, как и Э. Соренсен, говорит о проблеме нарастания масштабов практики, когда работодатели, все больше ощущая давление глобальной конкуренции и находясь в условиях непредсказуемых колебаний фондовых рынков, вынуждены элиминировать трудовые ренты (employment rents)². И работодатели пытаются это делать, в основном избегая типов трудовых соглашений, подразумевающих подобные ренты [Goldthorpe 2000, p. 1580], т. е. посредством перехода на спотовые контракты (spot contracts), характерные для ситуации совершенной конкуренции [Sorensen 2000, p. 1554].

Более радикально эту точку зрения отстаивают марксисты, но с несколько другими акцентами. Если в выпуске WEO'2007 основная опасность для квалифицированной рабочей силы развитых стран воспринимается как идущая со стороны глобализации и технологического прогресса, то марксисты видят угрозу в крупных бюрократических организациях, где специалисты становятся рабочими, подвергаясь деквалификации, – отсюда тезис марксистов о пролетаризации профессионалов в современных капиталистических обществах. Однако такие радикальные взгляды не нашли пока широкой поддержки. Так, Р. Мерфи,

² См. также работу Стефана Моргана и его коллег [Morgan, McKerrow 2004].

вступая в полемику с марксистскими теоретиками относительно изменения природы профессий в современном капитализме, опровергает тезис о разрушении профессиональной монополии [Murphy 1990].

Так или иначе, в целом картина ясна. Знание как специфический актив продолжает пока играть важнейшую роль в распределении доходов, хотя будущее профессионалов, как специфической социальной группы, дискуссионно. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует осознанный экономистами лишь в конце 1990-х годов, хотя плавно увеличивавшийся с 1979 г., разрыв в оплате высококвалифицированного и неквалифицированного труда³ в развитых странах, преимущественно в США. Именно неквалифицированный и малоквалифицированный труд в развитых странах в первую очередь пострадал от глобализации рынков труда.

Менее понятна динамика ситуации в этой области в России. Данная статья посвящена тенденциям изменения социально-профессиональной структуры российского общества, а также тем выводам, которые следуют из этих тенденций для характеристики долгосрочного развития экономики.

Специфика социально-профессиональной структуры в России

Исследование проводилось на панельных данных RLMS за 1994–2006 гг., где для анализа характера социально-профессиональной структуры использовался кодификатор профессий ISCO-88, скорректированный нами для России⁴. Анализ показал, что в настоящее время профессионалы составляют 12,6% от всей доли занятых россиян (если брать ядро профессионалов, использующих в своей работе компьютер, – то всего 9,9%). Число управленцев с годами сильно колеблется, и в 2006 г. их было 4,1% занятого населения, полупрофессионалов – 17,4%, офисных работников (клерков) – 7,7%, доля работников сферы обслуживания и торговли – 11,2%, военнослужащих – 0,7%. Остальная часть занятых приходится на работников физического труда (46% – коды 6–9).

Прежде чем перейти к динамике этой структуры, рассмотрим основные характеристики перечисленных групп занятости, и начнем с образовательного уровня лиц, занятых нефизическим трудом. Несмотря на то, что выполнение административных функций тесно связано с наличием высшего образования (Adj. Res. = 11,8), среди чиновников, управляющих и предпринимателей в 2006

³ По мнению автора монографии «Globalization and Employment Conditions Study» Д. Брауна, в США с 1979 по 1995 гг. реальная заработная плата работников, которые не окончили среднюю школу, упала более чем на 20 процентных пунктов. В то же время реальная зарплата выпускников школ, не имеющих высшего и среднего специального образования, сократилась более чем на 13 процентных пунктов, а работников с 16 годами обучения и более, наоборот, выросла на 3,4%. Автор отмечает, что с того момента, когда экономисты зафиксировали этот разрыв в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, началась дискуссия о том, какие факторы оказывают решающее воздействие на его увеличение. Различными исследователями в качестве объясняющих переменных рассматриваются: международная торговля (особенно в результате открытия рынков развивающихся стран), технологический прогресс, либерализация торговли (стимулирующая фирмы-импортеры к конкуренции), экспорт сам по себе. Более подробный обзор моделей представлен в работе [Brown 2007, p. 18–24].

⁴ Подробнее см. Приложение.

г. лишь чуть более половины (56,2%) имели высшее образование⁵. Среди полупрофессионалов доля таких людей составила на 2006 г. 36,8%. Обладатели диплома о законченном высшем образовании встречаются также среди офисных работников (12,9%)⁶.

В сфере торговли и бытового обслуживания в 2006 г. было занято лишь 11,2% людей с высшим образованием. В сфере услуг, в том числе интеллектуальных (консалтинг, маркетинг), – 0,2%. Видно, что основную долю занятых в третичном секторе и торговле составляют именно представители торговли, причем доля работников со специальным профессиональным образованием в третичном секторе и торговле составляла всего 7%, а остальные имели более низкий образовательный уровень.

Сравнительно невысокий процент обладателей высшего образования как среди управленцев, так и среди «белых воротничков» (если не брать в расчет профессионалов и работников сферы услуг, то это 36,4%), позволяет поставить вопрос о качестве человеческого капитала полупрофессионалов и в целом представителей нефизического труда в современной России. Уже одного этого достаточно, чтобы говорить о том, что тот тип социально-профессиональной структуры, который сложился в России на 2006 г., не позволяет российскому обществу выдерживать конкуренцию с промышленно развитыми обществами, такими как Германия, Швеция, Англия и США, где подобные статусы предполагают высшее образование хотя бы первой ступени.

Что касается инвестиций в свой человеческий капитал, а также установок по этому поводу, то, во-первых, стоит отметить, что обучение на любых курсах (в том числе по повышению квалификации, иностранных языков и т. п.) характерно пока фактически только для профессионалов (16,8%) и полупрофессионалов (10,8%). Реже всего среди потребителей подобного рода услуг можно встретить работников третичного сектора и торговли (5,2% от числа данного социально-профессионального слоя), операторов, сборщиков и водителей (4,6%), а также низкоквалифицированных рабочих (2%). Во-вторых, желание продолжить в течение ближайших лет обучение на курсах, в техникуме или вузе чаще наблюдается среди полупрофессионалов, офисных служащих, а также работников третичного сектора и торговли, т. е. среди работников нефизического труда, обладающих средней и низкой квалификацией. При этом на получение в течение ближайших лет фундаментального образования (в частности, окончание магистратуры, аспирантуры, докторантуры) нацелены прежде всего офис-

⁵ Здесь и далее при интерпретации значений таблиц сопряженности приводятся только статистически значимые результаты. Критерием значимости служило значение отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой, измеренной в числе стандартных отклонений (Adjusted Residual [$Z_{ij} = (N_{ij} - E_{ij}) / \sigma_{ij}$]). Если Adj. Res. $\geq 2,0$, то это соответствовало уровню значимости принятия нулевой гипотезы о том, что связи нет с вероятностью 5%, $p < 0,05$; если Adj. Res. $\geq 2,6$, то $p < 0,01$; при Adj. Res. $\geq 3,3$ уровень значимости принятия гипотезы о том, что связи нет, $p < 0,001$. Этот критерий не дает точную оценку, как t -тест, однако позволяет избежать грубых ошибок. Его функциональность привлекательна, особенно когда речь идет о больших значениях скорректированных стандартных остатков.

⁶ В результате перекодировки ISCO-88 слой профессионалов образуют россияне преимущественно с высшим образованием.

ные служащие (80%) и работники третичного сектора и торговли (67,3%), что косвенно отражает их желание повысить свой социально-профессиональный статус. Для профессионалов (68,2%), полупрофессионалов (44%) в большей степени характерны установки на профессиональную переподготовку.

В этих условиях тезис о неконкурентоспособности отечественной социально-профессиональной структуры не видится таким уж беспочвенным, особенно если учесть глобальные тенденции информатизации экономик, когда знание выступает как специфический актив, определяющий условия классовой ситуации и поляризующий статус тех, кто этим активом обладает (или не обладает).

Проблемы, связанные с перспективой развития российской социально-профессиональной структуры, становятся более понятными, если в качестве дифференцирующего критерия, помимо образования, взять другие переменные (тип населенного пункта, регион, отрасль). Как показало исследование, умственный труд характерен в основном для жителей областных центров (67% представителей «ядра профессионалов» проживают в областных центрах, при 45,3% среди остальных представителей нефизического труда: полупрофессионалов и офисных работников). Вместе с тем занятость в секторе обслуживания и торговли не связана с типом населенного пункта. Если не учитывать россиян, занятых в сфере бытовых услуг и торговли, то можно говорить о дифференциации социально-профессиональной структуры, которая сложилась в российском обществе к 2006 г.

Это видно при двух срезах: территориальном и отраслевом. Так, в территориальном плане наибольшее количество профессионалов сосредоточено в крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, в то время как представителей физического труда чаще можно встретить в областях: Ленинградской, Пензенской, Краснодарской, Амурской⁷. Что же касается отраслевой специфики, то «синие воротнички», занятые в промышленности, работают в нефтяной промышленности, гражданском машиностроении, тяжелой промышленности, на транспорте, в строительстве. Профессионалам же более свойственно работать в образовании (32,2% от всех профессионалов), здравоохранении (11,5%), науке и культуре (8,6%), финансах (6,2%), органах государственного управления (4%) и ВПК (3,2%). При этом работники разных отраслей неравномерно распределены по территории России. Это значит, что регионализация распределения статусов социально-профессиональной иерархии российского общества, хотя и является отчасти следствием процесса неравномерного развития регионов, выливаясь в независимый феномен, сама по себе может привести к закреплению классовых неравенств по регионально-территориальному признаку.

⁷ Результат статистически значимой связи с уровнем значимости $p < 0,05$. Однако стоит отметить, что база данных RLMS не репрезентативна по региону, поэтому приведенную конкретизацию региональной специфики отечественной социально-профессиональной структуры надо воспринимать лишь как иллюстрацию тезиса о региональной неоднородности распределения социально-профессиональных статусов в России.

Общая динамика социально-профессиональной структуры России

Анализ динамики показателей занятости вызывает опасения, связанные со снижением доли профессионалов в российской экономике (см. рис. 1), что расходится с вышеописанными официальными данными статистики ФСГС, но подтверждается данными исследований О.И. Шкаратана на других массивах [Шкаратан 2006]. В 2006 г. профессионалов было чуть больше, чем в 1995 (на 0,6 процентных пункта), в то время как по сравнению с уровнем 1994 г. их число сократилось более чем на 11% (1,6 процентных пункта). И хотя основное падение показателя пришлось на первую половину 1990-х годов⁸, в 2000-х годах не произошло сравнимой по амплитуде его коррекции, несмотря на наблюдаемые в последние годы высокие темпы развития российской экономики.

Рис. 1. Динамика доли укрупненных профессиональных групп в структуре занятой части экономически активного населения России (в % от числа опрошенных по России, по данным RLMS, ISCO-88 до перекодировки, на панели по индивидам)

Примечание: На рисунке не представлены военнослужащие, офисные служащие (клерки), квалифицированные работники сельского хозяйства, разнорабочие (представители элементарной формы занятости).

Вместе с тем наряду с падением общей численности профессионалов ядро этой группы, выделенное из специалистов с законченным высшим образованием по признаку включенности в информационные технологии («использо-

⁸ Это падение можно связать прежде всего с кризисом в этот период российской экономики и отчасти с массовой миграцией высококвалифицированных работников умственного труда в другие страны, которая пришлась на рассматриваемый период [Шкаратан, Ястребов 2007; Топилин, Малаха 2004; De Tinguy 2004].

вание ПК хотя бы раз в год»), с годами все же расширяется. Так, с 2000 по 2006 г. доля ядра профессионалов выросла на 68% (4 процентных пункта – с 5,9 до 9,9%). Таким образом, количество их снижается, но «качество» остающихся относительно растет.

Значительная часть профессионалов до сих пор не использует компьютер, и в этой связи, учитывая процесс регионализации российской социально-профессиональной структуры, расширение ядра профессионалов можно воспринимать как следствие компьютеризации крупных городов.

Обратные тенденции наблюдаются в среде полупрофессионалов. Данные, представленные на рисунке 1, позволяют говорить о расхождении в цифрах ISCO-88 и ФСГС, отражающих динамику изменения численности полупрофессионалов (табл. 1).

Таблица 1. Структура распределения занятого населения России в 2000–2006 гг. (в % от числа опрошенных по России, данные ФСГС)⁹

Класс	Профессиональные статусы	2000	2004	2005	2006
1	Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций, предприятий и их структурных подразделений (служб)	4,2	7,4	7,0	6,6
2	Специалисты высшего уровня квалификации	15,9	17,5	17,3	17,4
3	Специалисты среднего уровня квалификации	15,1	14,7	14,1	15,0
4	Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,3	3	3,2	3,3
5	Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и торговли	12,2	14	13,9	14,1
6	Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства и рыбководства	22,2	18,9	20,7	19,7
7	Операторы, аппаратчики и машинисты установок и машин	13,8	13	12,6	12,5
8	Неквалифицированные рабочие	13,4	11,3	11,0	11,6

Если статистика свидетельствует о плавном снижении доли полупрофессионалов (по крайней мере, до 2005 г. – с 15,1 до 14,1%) или о незначительных колебаниях этого показателя, то данные RLMS указывают на увеличение численности этой группы (с 15,8 до 17,4% в период с 2000 по 2006 г.). На данных RLMS видно достаточно яркое проявление этой динамики: с 1994 г. доля полупрофессионалов в российском обществе выросла почти на 20% (в относительных единицах).

Чтобы понять, что стоит за этими результатами, перейдем от сравнения между раундами (т. е. от уровня *cross-section*-пропорций) на уровень отдельных индивидов (т. е. к панели «индивидуальных историй»).

⁹ Таблица построена на основе данных различных пунктов раздела «Труд» официального сайта ФСГС [http://www.gks.ru/wps/portal/!ut/p/cmd/cs/ce/7_0_A/s/7_0_32U/th/J_0_69/s.7_0_A/7_0_32U/_s.7_0_A/7_0_32U]. Позиции укреплены также в соответствии с рекомендациями Федеральной службы государственной статистики.

Из рисунка 2 видно, что изменения показателей численности основных социально-профессиональных групп сохранили свой профиль, причем все выделенные выше тенденции в этом случае проявляются еще нагляднее.

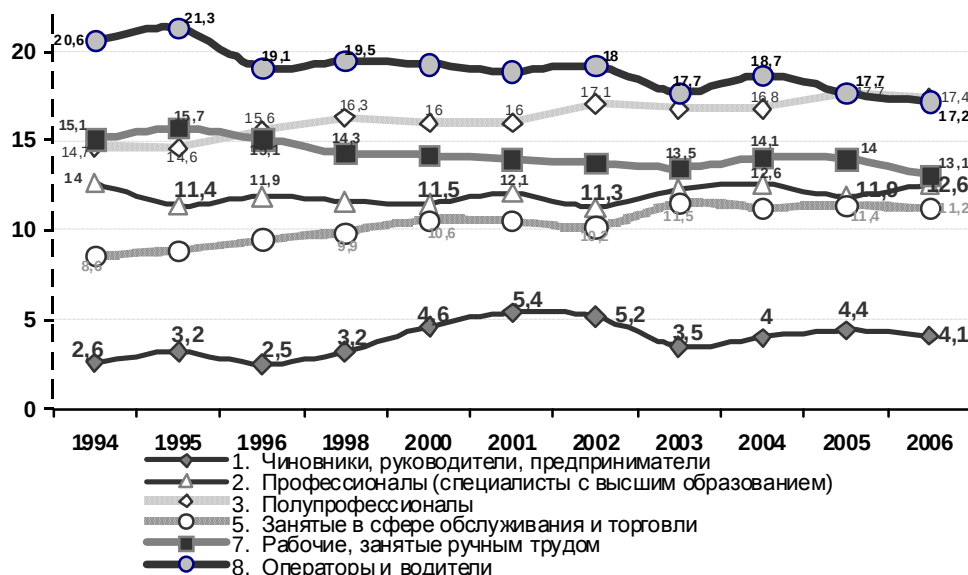

Рис. 2. Динамика доли укрупненных профессиональных групп (в % от числа опрошенных по России, по данным RLMS, ISCO-88 после перекодировки, на панели по индивидам)¹⁰

Тенденции изменения основных социально-профессиональных групп

Чтобы понять, что же стоит за динамикой социально-профессиональной структуры России, обратимся к более глубокому анализу основных социально-профессиональных групп, образующих ядро информационного общества.

Начнем с управленцев. После объединения данных по индивидуальному идентификатору стала более заметна стабилизация численности этого слоя с 2003 г. (сравните рис. 1 и 2). Однако в панели «индивидуальных историй» до последнего времени занятость управленцев оставалась нестабильной, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что доля управленцев 2005 г. в группе управленцев 2006 г. составляла около 70% (доля 2005 г. – 57%, 1994 г. – 16%¹¹). Видимо, с начала 1990-х годов слой чиновников, руководителей и предпринимателей практически полностью обновился, и этот процесс еще не завершился

¹⁰ Данные приведены по «индивидуальным историям», т. е. взяты из 15-й волны (2006 г.), в которую были по индивидам добавлены соответствующие переменные из панелей RLMS за предыдущие годы.

¹¹ Близкие результаты можно получить при хорошо специфицированной модели однофакторной полиномиальной логистической регрессии. В данном же случае мы обходимся частотными распределениями, поскольку по смыслу они предполагают те же предельные эффекты, но более наглядны.

(ниже мы подробнее рассмотрим, за счет каких социально-профессиональных групп обновляется сегодня слой управленцев). С точки зрения макроэкономики занятости, наблюдаемые колебания можно воспринимать как поиск «оптимальности» диктуемый ужесточающейся конкуренцией (перераспределение ресурсов, смена старых кадров), ведь между этими колебаниями и динамикой численности профессионалов существует статистически значимая связь (подробнее о ее характере будет сказано ниже).

Чтобы в данных условиях лучше понять тенденции, связанные со статусом занятости руководителей и предпринимателей, необходимо вернуться к вопросу о качестве человеческого капитала и динамике его воспроизводства в данной группе. Итак, в 2006 г. высшее образование имели 56% чиновников, руководителей и предпринимателей. Это уровень, характерный для 1994 и 1996 гг., и он достаточно высокий по сравнению с 1995 и 2000 гг., когда доля лиц с высшим образованием среди управленцев опускалась до 41%. При этом из рисунков 1, 2 и 3 видно, что на 1995 г. и на 2000 г. приходился подъем численности этой социально-профессиональной группы.

За счет представителей каких образовательных уровней она росла в эти годы?

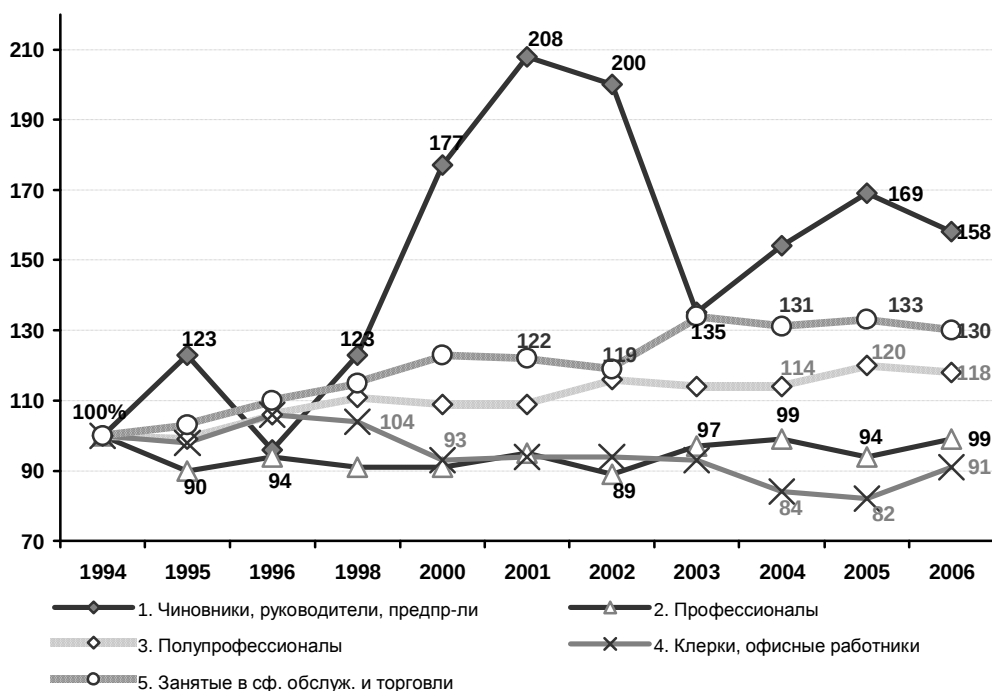

Рис. 3. Динамика укрупненных профессиональных групп (заниятых нефизическим трудом) по отношению к уровню 1994 г. (в % от числа опрошенных по России, RLMS, ISCO-88 после перекодировки, на панели по индивидам)

Анализ показал, что в 1995 г. в составе данной социально-профессиональной группы увеличилась доля тех, кто на момент опроса имел среднее специальное образование (с 34% в 1994 г. до 37% в 1995 г. с последующим сниже-

нием до 34% в 1996 г.). В то же время в 1998 и 2000 гг. доля имеющих среднее специальное образование в составе управленцев не превышала 30%. Зато в 1998 и 2001 гг. доля лиц с высшим образованием в составе чиновников, руководителей и предпринимателей составляла 50%, что заставляет нас более пристально рассматривать динамику доли занятых со средним общим образованием в составе руководителей. Заметный положительный скачок в изменении доли россиян со средним общим образованием в составе управленцев наблюдался как минимум трижды: с 1994 по 1995 г. (с 10 до 19%), с 1998 по 2000 г. (с 17 до 27%) и с 2001 по 2002 г. (с 15 до 23%).

Положительные всплески первых двух периодов совпадают с периодами роста показателя численности в слое управленцев. Скачок же 2001–2002 гг. совпадает с переломной фазой смены вектора динамики в численности социально-профессионального слоя руководителей, чиновников и крупных предпринимателей. Последний период характеризуется также статистически значимым падением доли обладателей законченного высшего образования в данной группе (с 50 до 47%). Причем, если в постсоветский период (1994–1995 гг.) наряду с ростом числа обладателей среднего общего образования в составе руководителей росла также доля обладающих средним специальным образованием, то в начале 2000-х годов доля специалистов со средним специальным образованием уже не увеличивалась. Это возможно лишь в случае миграции в 2001–2002 гг. части руководителей, чиновников и крупных предпринимателей с высшим образованием в другие социально-профессиональные группы.

Рост же числа управленцев в середине 1990-х годов, а также в послекризисный период (1998–2000 гг.) обеспечивался за счет имеющих лишь общее среднее образование. Тем не менее данная ситуация не является для управленцев типичной – общее среднее образование связано с рассматриваемым социально-профессиональным статусом негативной статистически значимой связью (т. е. для руководителей не свойственно иметь среднее общее образование). Значит, внутри данной группы достаточно быстро должна происходить смена образовательного уровня ее субъектов, что видно на примере снижения доли россиян со средним общим образованием в составе руководителей в отдельные годы. Такие спады, с одной стороны, иллюстрируют внутригрупповые процессы по нивелированию нетипичного для этой формы занятости уровня образования; а с другой – говорят о том, что данная группа (при всей ее неоднородности и неустойчивости) имеет ресурсы для повышения образовательного уровня.

В то же время крайняя неустойчивость занятости в среде руководителей, обеспечение роста численности управленцев за счет лиц с невысоким уровнем образования, а также эпизодические случаи миграции высокообразованных руководителей в другие социально-профессиональные группы (даже с учетом того, что высшее образование для управленцев является доминирующим), не позволяют говорить об однородности человеческого капитала в среде управленцев или о его высоком качестве.

Этот вывод косвенно подтверждают и другие данные исследования, согласно которым, в постсоветские годы структура управленцев, чиновников и крупных предпринимателей претерпела изменения (во многом связанные с установ-

лением нового экономического порядка), повлекшие снижение интенсивности миграции в данную социально-профессиональную группу квалифицированных работников умственного труда. Так, доля профессионалов 1994 г. в структуре руководителей 2006 г. составляет 24%, в то время как доля профессионалов 2005 г. не превышает и 6% (доля 2004 г. – 16%), т. е. в последние годы наблюдается тенденция резкого сокращения интенсивности миграции профессионалов в состав управленцев.

Примерно так же связан с управленцами слой полупрофессионалов. Пик миграции полупрофессионалов в состав руководителей пришелся на 1996 г. (полупрофессионалы 1996 г. составляют 20% от числа современных руководителей). Со временем интенсивность перехода полупрофессионалов в состав управленцев, как и в случае со специалистами с высшим образованием, заметно упала.

Исключение составляют лишь последние два года (см. рис. 2, 3). Именно с 2003 г. наблюдается медленное увеличение доли профессионалов в составе чиновников, руководителей и предпринимателей, что позволяет, на фоне обозначенных закономерностей воспроизводства человеческого капитала в этом слое, воспринимать данный временной период как новый этап – а именно формирование слоя профессиональных управленцев. Единственное опасение, убавляющее оптимизм связанных с этим обстоятельством прогнозов, заключается в крайней неустойчивости данного типа занятости. И все же, хотя высказанное опасение пока не позволяет давать долгосрочных прогнозов, сегодня мы можем уверенно говорить о произошедшем в 2003 г. сломе принципов формирования состава управленцев

Частично оптимизм последнего тезиса подкрепляется также данными за 13 лет по количеству профессионалов, входивших в состав руководителей и чиновников в 2006 г. (рис. 4).

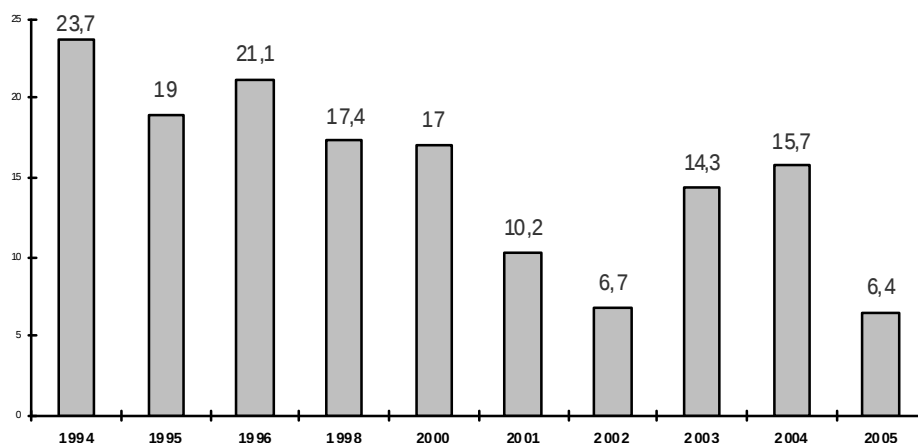

Рис. 4. Доля профессионалов 1994–2005 гг. в составе руководителей и чиновников в 2006 г. (в %, RLMS)

На фоне падения интенсивности миграции профессионалов в состав управленцев в 1994–2002 гг. (с 23,7 до 6,7% от числа руководителей), показатель в

14,3–15,7% в 2003–2004 гг. можно рассматривать как «новый виток» в сторону увеличения миграции профессионалов в слой управленцев. Однако малая доля профессионалов 2005 г. в составе управленцев 2006 г. убавляет оптимизма относительно устойчивости намеченной тенденции.

Вместе с тем именно профессионалов, как никакой другой социальный слой, можно рассматривать как потенциальный источник кадров для чиновников, руководителей и предпринимателей. Так, из данных динамики, отраженной на рисунке 3, видно, что в годы наибольшего прироста занятых среди управленцев (1995 и 2000 гг.), доля профессионалов снижалась (на 10%). Куда же, помимо позиций, связанных с административной и управленческой работой, уходили (и уходят) специалисты с высшим образованием?

В связи с расширением третичного сектора и торговли, а также слоя полупрофессионалов, можно предположить, что эта динамика сопровождалась миграцией части профессионалов именно в эти группы занятости.

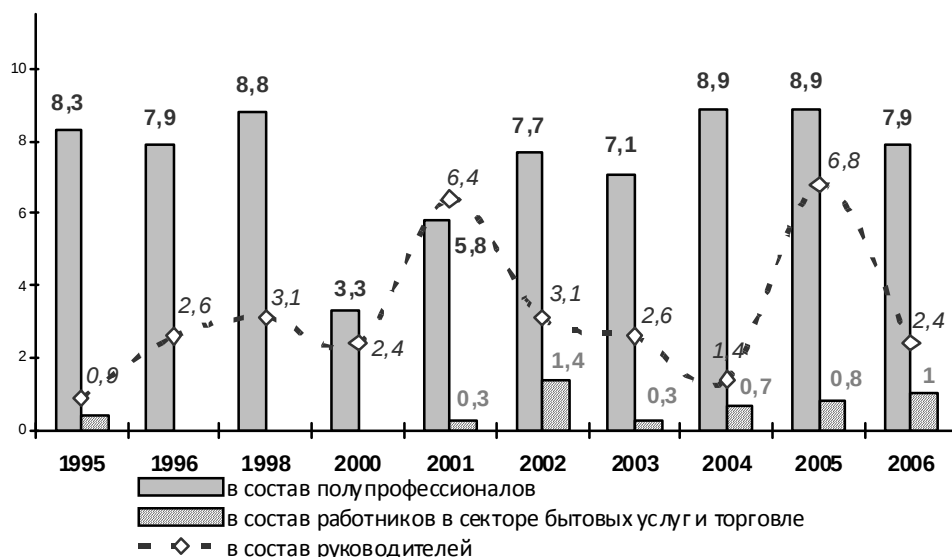

Рис. 5. Ежегодная миграция профессионалов в состав руководителей, полупрофессионалов и торговлю в 1995–2006 гг. (в % от числа профессионалов за предыдущий период)¹²

Отчасти это верно – так, из рисунка 5 видно, что на протяжении всех этих лет профессионалы стабильно перетекают в состав полупрофессионалов (в диапазоне от 8,3% в 1995 до 8,8% в 1998 г., от 5,8% в 2001 г. до 7,9% в 2006 г.). Причем, несмотря на то что в 2000 г. в число полупрофессионалов перешло сравнительно небольшое число профессионалов предыдущего года (3,3%), с

¹² Рисунок 5 показывает ежегодную миграцию профессионалов в состав управленцев, полупрофессионалов и работников сферы торговли и бытового обслуживания. Например, точка 1995 г. показывает долю профессионалов 1994 г., которая перешла в состав соответствующих групп к 1995 г. Точка 1996 г. показывает, сколько профессионалов 1995 г. перешло в состав соответствующих групп к 1996 г.

2001 г. наблюдается повышение интенсивности миграции профессионалов в этот слой. Вместе с тем отсутствие статистически значимой связи (наблюдаемое практически на всех периодах) между количеством профессионалов, перешедших в полупрофессионалов, и численностью занятых в данной группе, говорит о том, что общее увеличение численности полупрофессионалов не потянет за собой увеличение в ней доли специалистов с высшим образованием. Миграция же профессионалов в среднем на уровне в 7,5% в состав полупрофессионалов, наблюдаемая в течение 13 лет, свидетельствует лишь о том, что человеческий капитал как минимум десятой части российских профессионалов не обеспечивает им должного уровня конкурентоспособности при общем сокращении численности структурных позиций профессионалов в российской экономике, что вынуждает их к незначительной нисходящей социальной мобильности. Другими словами, если миграцию в слой управленцев можно с определенной натяжкой связать с перспективами, которые открываются при переходе к административной работе (и, следовательно, возможностями восходящей социальной мобильности), то переход профессионалов на низшие ступени социальной иерархии говорит о несоответствии качества человеческого капитала части специалистов с высшим образованием квалификационным требованиям соответствующих структурных позиций.

Вместе с тем стоит отметить, что качество их человеческого капитала является достаточным для перехода этих россиян именно в число полупрофессионалов, а не ниже: так, считанные проценты из них уходят в последние годы в торговлю и лишь единицы пополняют состав функциональных работников (клерков и т. д.). Так, с 1994 г. наибольшая доля специалистов с высшим образованием, которые перешли в состав занятых в торговле, не превышает 4%¹³.

Что касается полупрофессионалов, то они также неохотно переходят в состав линейного персонала и занятых в секторе бытовых услуг и торговли. При этом в третичный сектор помощники профессионалов уходят как минимум в 8 раз чаще, чем собственно профессионалы (сравните рис. 5 и 6).

Из рисунка 6 также можно видеть, что в последние годы (с 2003–2004 гг.) полупрофессионалам более свойственно переходить в состав офисных служащих, чем занимать рабочие места в третичном секторе и торговле. Особое внимание стоит обратить на то, что до 2001 г., а также после 2003 г. динамика перехода полупрофессионалов в состав офисных служащих и торговлю разнонаправленна. Это может говорить о том, что во многом эти типы занятости выступают для полупрофессионалов как профессии-субституты. Причем, в отличие от перехода в сектор бытового обслуживания, миграция в состав офисных служащих стала более стабильной и обрела возрастающую динамику уже после 2001 г. (рис. 6).

¹³ Несмотря на то что типичным уровнем образования среди занятых в сфере бытовых услуг и торговле является законченное общее среднее образование, в данной группе постепенно происходит повышение качества человеческого капитала, которое стало особенно заметным в 2000-х годах. Так, с 2000 по 2005 г. доля россиян с высшим образованием, занятых в сфере услуг и торговли, увеличилась с 3 до 7,4%, при том, что доля россиян с общим средним образованием сократилась с 63% в 2000 г. до 60% в 2005 г.

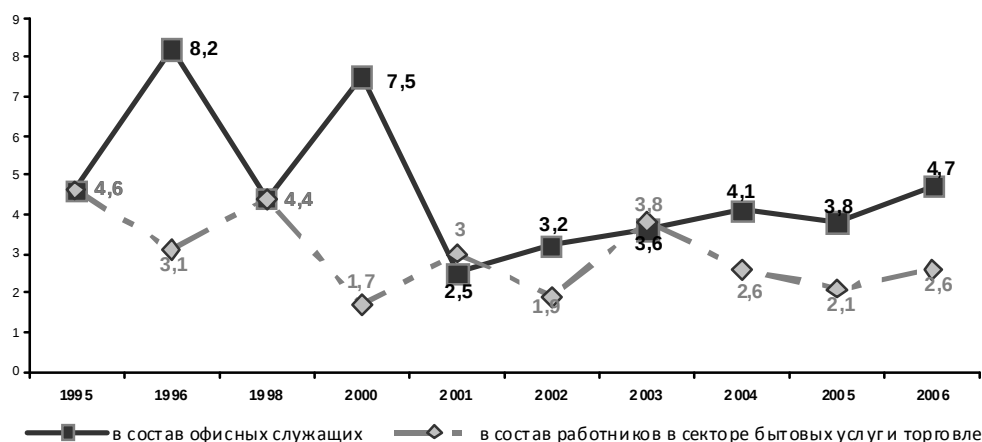

Рис. 6. Ежегодная миграция полупрофессионалов в состав офисных служащих и работников торговли в 1995–2006 гг. (в % от числа профессионалов за предыдущий период)¹⁴

Рисунок 6 также позволяет увидеть, что интенсивность миграции полупрофессионалов в третичный сектор в целом за 13 лет снизилась, но стабильное снижение пришлось лишь на 2003–2006 гг. Стоит отметить, что в условиях отсутствия статистически значимой связи между числом помощников профессионалов и занятыми в сфере обслуживания и торговли обозначенная закономерность может быть следствием стабилизации структуры занятости. В этом случае внутренние метаморфозы, происходящие с работниками сферы бытового обслуживания и торговли, не должны сказываться на уровне миграции полупрофессионалов в этот социальный слой.

И все же, поскольку занятость в слое полупрофессионалов растет стабильно и по составу группа довольно устойчива (доля полупрофессионалов 1994 г. в составе 2006 г. составляет 60%, 2005 г. – более 81%), снижение уровня миграции полупрофессионалов в эту группу может быть связано со снижением перспективности третичного сектора и торговли. В пользу этого говорит и то, что с 1998 г. отмечаются также снижение интенсивности перехода в третичный сектор и торговлю конторских служащих, а также смена знака статистически значимой связи этого перехода. Это связано с тем, что с конца 1990-х годов происходит обновление офисных служащих и занятых в секторе бытовых услуг и торговли: сегодняшняя структура этих социально-профессиональных слоев является результатом сравнительно недавнего прошлого. Так, большую часть офисных работников 2006 г. образуют офисные работники 2000-х годов: доля клерков 1994–1998 гг. колеблется в районе 39–46%. Похожую ситуацию мы можем наблюдать также среди работников сферы обслуживания и торговли.

Вкупе с тем что занятость в сфере услуг и торговле положительно связана с крайне негативными оценками собственных возможностей профессионального роста

¹⁴ Рисунок 6 строится по аналогии с рисунком 5.

(наряду с невысоким уровнем удовлетворенности своей жизнью, несвойственным офисным работникам), это свидетельствует о сохраняющемся кризисном характере данного типа занятости. С другой стороны, это обстоятельство позволяет говорить о том, что кадровый состав сферы обслуживания и торговли пока находится в стадии своего становления. То же можно сказать про конторских служащих, в составе которых с годами растет доля россиян с высшим образованием (с 7% в 1994 г. до 14% в 2005 г.). Однако здесь практически нет поводов для оптимизма, поскольку рост доли россиян, обладающих высшим образованием, в рассматриваемых социально-профессиональных группах связан со снижением спроса на человеческий капитал этих людей в сферах с более высокой долей интеллектуального труда. Более того, отмеченное увеличение доли занятых в сфере обслуживания и торговли свидетельствует о доминировании тенденции нисходящей социальной мобильности среди россиян, переходящих в сектор обслуживания и торговли.

Самой же стабильной группой, согласно данным исследования, являются «синие воротнички», а именно промышленные рабочие (операторы и водители) и рабочие, занятые ручным трудом. Причем, как показал анализ, более стабильна занятость операторов промышленных установок и водителей – их доля «образца 2004 г.» в составе промышленных рабочих 2006 г. составляет 79%, а у рабочих, занятых ручным трудом, – 72%.

Стоит заметить, что с годами падает взаимопроникновение статусов промышленных рабочих и разнорабочих (с 25% в середине 1990-х годов до 5–6% в 2004–2005 гг.). Это говорит о том, что все основные статусы становятся более четкими, даже связанные с весьма невысокими квалификационными и образовательными требованиями: этому способствуют и меры по перенесению в Россию производств, предполагающих наличие у рабочих технологической культуры. Как показывает практика, таким заводам проще нанять на позиции сборщиков/операторов специалистов с образованием не ниже среднего специального, чем инвестировать в переобучение рабочих невысокой квалификации. К слову сказать, наличие таких производств (к которым относятся и производства ВПК) отчасти позволяет объяснить присутствие специалистов с высшим образованием на позициях «синих воротничков». Вполне возможно, что именно эта незначительная группа высококвалифицированных рабочих будет востребована российской промышленностью, если на территории России сохранятся тенденции формирования так называемых «розовых рынков». С точки зрения прогнозирования изменений социально-профессиональной структуры это может иметь два последствия. Первое связано с отрицательной динамикой числа квалифицированных промышленных рабочих. Из данных, отраженных на рисунке 3, видно, что с 2000 г., происходит увеличение доли разнорабочих с одновременным снижением доли операторов и водителей, что может быть связано с обесцениванием труда традиционных промышленных рабочих и последующей их деквалификацией¹⁵. Второе связано с понижением статуса части «белых воротнич-

¹⁵ Это подтверждается данными исследования другого типа экономических агентов – предприятий российской промышленности. Так, согласно опросам РЭБ за 1996–2005 гг., перелив рабочей силы вел к улучшению качества персонала на каждом 10-м предприятии, к ухудшению качества – на каждом 3-м. По мнению Р.И. Капелюшников, это свидетельствует о прогрессирующей деквалификации промышленного персонала [Капелюшников 2006, с. 50–51].

ков» до статуса работников физического труда. Наиболее вероятный источник для будущих квалифицированных рабочих – это офисные работники, клерки, линейный персонал. При этом понижение профессионального статуса части «белых воротничков» (переход их в разряд представителей физического труда) может иметь вполне объективные основания – сравнительно высокие доходы в некоторых отраслях российской промышленности (причем не только в сырьевом секторе).

Так, например, согласно проведенному в 2006 г. кадровым агентством «Автокадр» исследованию, средняя зарплата в автомобильном бизнесе в России на 2006 г. составляла около \$1000¹⁶. Согласно агентству, эти деньги получают автомеханики, установщики дополнительного оборудования, маляры, автожестянщики. По данным исследования, также нередко встречается зарплата в пределах \$1400–1600, которую зарабатывают мастера слесарного и кузовного цеха. Для сравнения, среднестатистический аналитик (специалист с высшим образованием), который был бы причислен нами, согласно методике ISCO-88, к числу профессионалов, на московском рынке труда получает \$1100–1500. Однако отличие состоит в том, что позиция аналитика предусматривает, как правило, скрытые компенсационные формы выплат – инвестирование за счет работодателя в общие и специфические навыки, социальный капитал и т. д. Поэтому, несмотря на, казалось бы, невысокую зарплату, по сравнению с вознаграждениями в автомобильной промышленности, позиция аналитика предусматривает, как правило, жесткий конкурсный отбор.

Выводы

Если суммировать результаты проведенного исследования, то их можно разделить на два блока: методологические и содержательные.

Что касается методологических результатов, то по итогам перекодировки ISCO-88 структура социально-профессиональных статусов, считаемая на основе данных RLMS, претерпела достаточно сильные изменения с «качественной» точки зрения, которые указывают на то, что ряд профессиональных группировок в условиях российской действительности имеет смысл, отличный от подразумеваемого названием кода и официальными предложениями по классификации. Также были скорректированы показатели динамики численности почти всех укрупненных социально-профессиональных групп. Коррекция тенденций произошла как в сторону уменьшения для третичного сектора (сферы бытовых услуг) и рабочих, занятых физическим трудом, так и в сторону увеличения – для полупрофессионалов.

Что касается содержательных выводов, то прежде всего стоит отметить, что складывающийся сегодня в России тип социально-профессиональной структуры не позволяет пока говорить о том, что наше общество движется в сторону постиндустриального развития. Здесь, главным образом, стоит обратить внимание на колебания в структуре занятости доли профессионалов, а также на проблему человеческого капитала этой группы. Более того, качество человеческого капитала остается достаточно низким и в среде руководителей (судя по имеющимся данным, рост группы управленцев происходил, по крайней мере, в 1995–2002 гг., в большей степени не за счет переходивших в нее профессионалов, а за

¹⁶ См. подробнее электронную версию на сайте издания «Автосфера»: <http://www.autosphere.ru/2007-04-26/28/>.

счет лиц со сравнительно низким образовательным уровнем), полупрофессионалов и других представителей нефизического труда. Все это свидетельствует о том, что российской экономике сегодня не нужны высококвалифицированные кадры даже в том количестве, в котором они уже имеются в российском обществе, что, разумеется, не отмечает возможности региональных диспропорций, при которых в них не может ощущаться повышенный спрос на отдельных локальных рынках труда или их сегментах¹⁷. Если добавить к сложившейся картине замечание о постепенном расширении сектора бытовых услуг и торговли, занятость в котором продолжает развиваться по кризисному типу, то общий вывод работы получается неутешительным. Тип социально-профессиональной структуры, которая сложилась сегодня в России, свидетельствует о невозможности для российской экономики эффективно конкурировать с наиболее развитыми обществами или говорить о тенденции развития ее в сторону экономик постиндустриального типа. Судя по продемонстрированным выше тенденциям, Россия подходит к ситуации, когда экономика, в условиях одинаковой ценности труда квалифицированных специалистов и обычных рабочих, готова платить ренту – прежде всего на специфический человеческий капитал.

Тем не менее хотелось бы закончить наш анализ на позитивной ноте, благо основания для этого все же есть. Во-первых, в последнее время социально-профессиональная структура российского общества в целом стабилизировалась, что находит подтверждение и в альтернативных исследованиях. Во-вторых, стоит сказать не только о наблюдаемой в последние годы уверенной положительной динамике численности управленцев в обществе, но, самое главное, о наметившемся увеличении роли человеческого капитала в этой группе. Поэтому говорить о полной утрате Россией шансов войти в число развитых современных обществ пока преждевременно, хотя частичная утрата возможностей для этого происходит на наших глазах, и если не озаботиться этой проблемой сейчас, то завтра говорить о ней будет уже поздно.

Литература

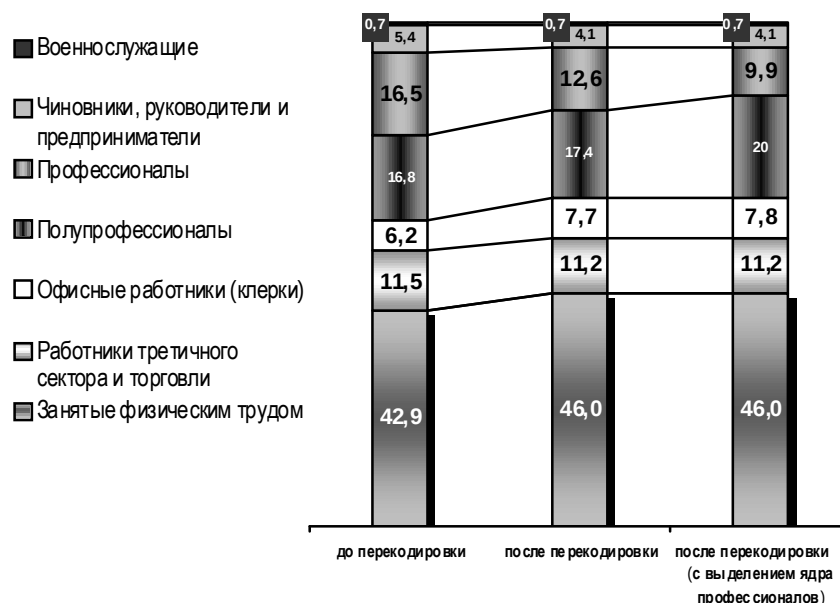
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
- Капелюшников Р.И. Российский рынок труда сквозь призму предпринимательских опросов: ретроспективный анализ. М.: ИМЭМО РАН, 2006.
- Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху. Перевод с английского // Мир России. 2001. № 1.
- Топилин А.В., Малаха И.А. Сдвиги в занятости и миграция высококвалифицированных научных кадров в России // Социологические исследования. 2004. № 11.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. Препринт WP1/2006/03. Серия WP1 (Институциональные проблемы российской экономики). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора). М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М.: ЭПИцентр, 2003.

¹⁷ К похожим рассуждениям приходят и другие специалисты [Явлинский 2003].

- Brown D.K. Globalization and Employment Conditions Study // Social Protection Discussion Paper. April 2007. № 0708. Washington D.C.: The World Bank, 2007.
- De Tinguy A. La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Paris: Plon, 2004.
- Goldthorpe J.H. Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sorensen // The American Journal of Sociology. May 2000. Vol. 105. № 6.
- Labour pains // The Economist. Mar 6th 2007.
- Morgan S., McKerrow M. Social Class, Rent Destruction, and the Earnings of Black and White Men, 1982-2000 / Kalleberg, Arne L., S. Morgan, J. Myles, R. Rosenfeld, eds. Inequality: Structures. Dynamics and Mechanisms – Essay in Honor of Aage B. Sorensen // Research in Social Stratification and Mobility. Amsterdam: Elsevier, 2004. Vol. 21.
- Murphy R. Proletarianization or Bureaucratization: the Fall of the Professional? // The Formation of Professions. Knowledge, State and Stagy / Ed. by Torstendahl & Burrage M. Sage Publications, 1990.
- Smaller Shares, Bigger Slices // The Economist. Apr 5th 2007.
- Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // The American Journal of Sociology. May 2000. Vol. 105. № 6.
- World Economic Outlook: Spillovers and Cycles in the Global Economy, April 2007. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2007.

Приложение

Укрупненные профессиональные группировки для 2006 г., в % (RLMS, до и после перекодировки ISCO-88)¹⁸

Примечание: Профессионалы — это специалисты с законченным высшим образованием, содержание и условия труда которых соответствуют требованиям группы «Профессионалы». Ядро профессионалов образуют занятые россияне из числа профессионалов, которые хотя бы раз в год пользуются ПК.

¹⁸ Пропущенных значений – 0,1%.